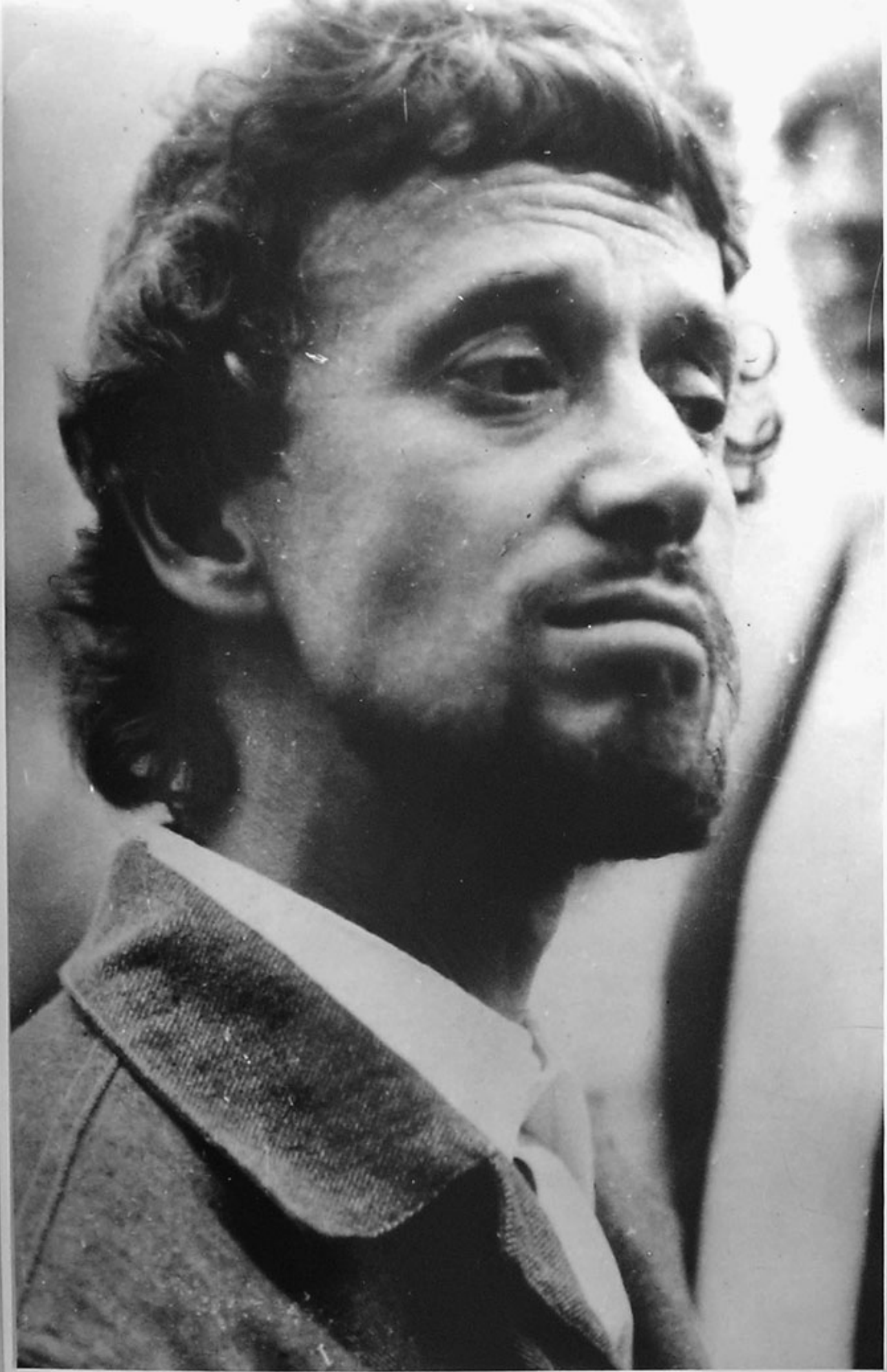

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА
АНРИ ВОЛОХОНСКОГО.

А. Волохонский родился в 1936 г. По образованию химик. Поэт. Приобел неожиданную популярность когда его тексты были использованы в "элитарных шлагерах" А.Хвостенко. Автор пьес, философских теорий и эссе, практически неизвестных.

Анри Волохонский. 84
/ фото В. Сычева./

О САКРАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ИМЕН В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Наречение имени является одним из существенных моментов акта творения. Сам Бог дал имена дню, ночи, суше, морям и небу. Адам же, будучи в раю, по желанию Бога дал имена всем животным. Если теперь определить сакральное как относящееся к связи человека с Богом, то разделение человеческого бытия на сакральную и несакральную области произошло с грехопадением Адама, ибо при этом добывание насущного хлеба и деторождение оказались вне сакрального отношения. В этом и состоял смысл проклятия — то, что могло быть духовным и благодатным, стало материальным и смертоносным. Первое, что сделал Адам, услышав это, было попыткой установить утраченную связь с Богом: он дал имя "Жизнь" — Еве собственной жене, желая противопоставить смысл имени мертвой обыденности существования в несакральной сфере. Это и было первым, собственно, сакральным действием. Наречение имени новорожденному продолжалось и после изгнания из Эдема оставаться сакральным актом: родив сына, Ева говорит: "Приобрела я человека от Господа" (Быт. 4.1.). Уже дети Адама и Евы приносили Богу жертвы, причем Авель, будучи пастухом, приносил в простоте сердца, а земледелец Каин, следуя образу профессиональных привычек, ожидал плотской пользы. Действия Авеля поэтому являлись сакральными, а у Каина же это была просто претензия. Страх возмездия за убийство заставил Каина "пойти от лица Господа" и построить первый город, тем самым расширив десакрализованную область бытия и положив начало цивилизации. В искусственной атмосфере внутри городских стен несакральная, так сказать, позитивная деятельность Каина могла осуществляться свободнее, безопаснее и успешнее, чем на окровавленной и мстительной земле. Потомство Каина (Навал, отец живущих в шатрах, со стадами, Иувал, отец играющих на гуслях и свирели, Тувалкаин, ковач всех орудий из железа и меди), следуя примеру отца, продолжало изобретать различные полезные навыки в сельском хозяйстве и ремеслах, искусствах и промышленности, тем самым совершенствуясь в несакральной сфере. Потомство Сифа, заместившего убитого Авеля, развивалось в ином направлении.

В третьем поколении от Адама (Енос, сын Сифа) начали призывать имя Божие, что ввело молитву в разряд сакральных действий. А, вероятно, в седьмом (Енох, сын Иареда, которого апокрифическая традиция называет "писцом" (см. книгу Еноха) выделилось нечто вроде письменной теории; быть может, нечто вроде священной истории. Наше священное писание, содержащее отчасти и обычную позитивную историю рода, народа и отдельных личностей с определенными именами, в общем имеет значительно более важный сакральный смысл, служа внутренним прообразом всей человеческой истории, в том числе и современной. Уразуметь этот смысл мы можем отнюдь не всегда, но мы должны попытаться понять его. Никакая историческая наука не в состоянии объяснить, ради чего существуют все нынешние сверхгигантские общности людей, связавшие в себе разрозненные прежде племена и действующие как бы единой волей, с их жестокой безликой политикой, которая с чисто нравственной точки зрения абсолютно бессмысленна. Разумеется, верующий человек может здесь удовлетвориться ссылкой на действие Воли Божьей. Однако ради утверждения веры приходится искать, какими путями действует его воля, искать, в частности, в том письменном документе, который запечатлен печатью его духа.

В Священном Писании имя какого-нибудь человека, обозначая его личность, кроме того служит именем и происшедшего от него рода и даже народа. В последнем случае происхождение понимается не только как плотское, но и как духовное. Так, имя патриарха Авраама обозначало "совокупность душ", которых они (Фарра и Авраам) имели (в других переводах — приобрели, создали) в Харране.

Современные отношения социалиста Эдома с Израилем, т.е. общностью людей Завета, прообразуются отношениями между братьями Исавом и Иаковом, соперничество которых перешло во вражду и кончилось холодным примирением, при том, что оба затем обитали раздельно. Политики Идумеи позже соединились с Израильтянами, как и сейчас социалисты живут в одних государствах с христианами и евреями, но духовного единения между ними быть не может. Так в наши дни, вероятно, исполняется пророчество, которое Господь дал Ревекке: "Два различных народа

произойдут из утробы твоей, один народ делается сильнее другого, и большой будет служить меньшему" (Быт. 25.23), и пророчество Исаака, сказанное Исаву "Будеи же время, когда воспротивишься и свергнешь его (Иакова) с выи своей" (Быт. 7.41).

Таким образом смысл происходящего сейчас выясняется обращением к Писанию, а смысл видимой истории человеческих общностей обнаруживается в обретении древних имен. Имена же оказываются не выбранными случайно или по взаимному соглашению людей знаками, а действующими реальностями.

Обратимся к истории Ноя. Его имя - "тот, кто утешит" - равнозначно одному из наименований Ипостаси Св.Духа. Спасение людей и животных в ковчеге соответствует животворящему действию Святого Духа, и голубь - символ Святого Духа принес Ною весть о спасении. А спасшись, Ной насадил виноградник и приготовил вино - вино же есть материальный образ Святого Духа. Действия Ноя в шатре имеют отчетливо сакральный смысл. Уединившись в скинии, он старался вернуть человеку то состояние открытости Богу, которым обладал и которое утратил Адам, ту первобытную наготу, которая в церкви реализуется таинством исповеди. Хам же понял наготу отца как служение низшим демонам плодородия, тем более успешное, чем больше народа привлечено к соучастию в нем - "... и вышедши рассказал двум братьям своим" (Быт. 9.22). За это он был проклят Ноем во всем его языческом потомстве обречен на вечное рабство. Именно в таком состоянии Хам находится и по сей день, ибо служение низшим духам, будучи рабством по существу, обрекает и на социальное рабство. Ныне Хам есть общее имя людей, превращающих свободное служение Богу в рабское служение ради плотской пользы силам природы и общества, понимаемого как часть природы.

Относительно Сима и Иафета Ной произнес следующее пророчество: "Да Благослови Господь Бог Симов" и "Да распространит Бог Иафета и да вселит он в шатрах Симовых" (Быт. 9, 26, 27). То есть Симу отводится область непосредственных отношений с Богом, и шатры Симовы следует понимать как Скинию Завета, заключенным Богом с потомками Сима: - Авраамом, Исааком и Иаковым. Иафету же обещана сфера внешнего распро-

странения, при том, что он в впоследствии также войдет в Скинию Завета. Это пророчество исполнилось, когда потомство Иафета — сначала эллины, а затем и другие европейские народы вошли в церковь Нового Завета и стало, тем самым, в высшем смысле, Израилем, то есть духовным потомством Авраама, Исаака и Иакова. Таким образом исполнились все пророчества, полученные Авраамом от Бога: "И благославляю в тебе все племена Земли" (Быт. 12.3), "Я сделаю тебя отцом множества народов" (Быт. 17.5), "Благословятся в семени твоём все народы земли" (Быт. 26.4); пророчества, полученные от Бога Иаковом: "Благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные" (Быт. 28.24), "Народ и множество народов будут от тебя" (Быт. 37.11), "Произведу от тебя множество народов и дам землю сию потомству твоему после тебя в вечное владение" (Быт. 48.4); пророческое благословение Исаака Иакову: "Да будет от тебя множество народов" (Быт. 28.3), а также пророчество о Евхаристии в благословлении Исаака Иакову: "Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли и множество хлеба и вина".

К обновленному Израилю, включившему в себя потомков Иафета, должны быть отнесены и пророчества Иакова о своих двенадцати сыновьях (Быт. 49), и благословления Моисея коленам Израилевым (Второзаконие 33).

Имена детей Израиля в наши дни соответствуют человеческим общностям, находящимся в отношении Завета с Богом. По-видимому, церкви благословлены именем детей любимой Иаковом Рахили, а державы народов — именами детей слабой глазами Лии и двух служанок — Зелфы и Валлы.

Именем Иосифа, которое есть также имя мужа Святой Девы Марии, благословлена Вселенская Церковь: "Иосиф — отрасль плодоносного дерева (может быть, дерева жизни) над источником, ветви его простираются над стенами. Огорчали его и враждовали на него стрельцы, но тверд остался пук прекрасных мышц рук его от рук мощного Бога Иаковлева. От-

туда Пастырь и твердыня Израилева, от Бога отца твоего, который и да поможет тебе и от Всемогущего, который и благословляет тебя благословлением небесным свыше и благословлениями бездны летящей долу, благословлениями сосцев и утробы, благословлениями отца твоего, которые превышают благословления гор древних и приятность холмов вечных; да будут они на голове Иосифа и на темени избранного между братьями своими (Быт. 49, 22-26) - это сказал Израиль.

"Да благословит Господь землю его вождеденными дарами неба, росой и дарами бездны, лежащей внизу, вождеденными плодами от солнца и вождеденными произведениями луны, превосходнейшими произведениями гор древних и вождеденными дарами холмов вечных и вождеденными дарами земли и того, что наполняет ее; благословение явившегося в терновом кусте да придет на главу Иосифа и на темя наилучшего между братьев своих". Это пророчество Моисея (Втр. 33, 13-16). Благословение главы Иосифа от огненного тернового куста Пробразует окровавленный терновый венец над челом Спасителя. И далее: "Крепость его - как первородного тельца, и рога его - как роги буйвола; ими изободет он народы до пределов земных; это тьмы Ефремовы, это тысячи Манассеины" (Второз. 33, 117). Роги Иосифа - это его сыновья Ефрем и Манассия, а также те человеческие общности, которые благословлены их именами. А то, что своими рогами изободет он народы до пределов земли, означает, что проповедь Евангелия будет осуществлена Ефремом и Манассией всем народам, что мы видим и сейчас. Именем Ефрема благословлена западная католическая церковь, связанная с Симом, именем Манассии - восточная **православная**, связанная первоначально с Византией.

Относительно Ефрема и Манассии Израиль сказал Иосифу: "И ныне два сына твои... мои они; Ефрем и Манассия как Рувим и Симон будут мои" (Быт. 48. 6), то есть уравниены в правах с двумя старшими сыновьями Израиля. Когда Иосиф подвел их под благословение, он держал младшего сына Ефрема в своей правой руке с тем, чтобы он был как младший благословлен левой рукой Израиля, а Манассия - как старший - был слева от Иосифа, против правой руки Израиля. Израиль же с намерением положил свою правую руку на голову Ефрема, а левую -

на голову Манассии, так что рука его лежала крестом при благословлении. Вот это благословление: "Бог, пред которым ходили отцы мои Авраам и Исаак, был пасущий меня с тех пор как я существую до сего дня, Ангел, избавляющий меня всякого зла, да благословит отроков сих, для будет наречено имя еще и имя отцов моих Авраама и Исаака и да возрастут они во множестве посреди земли (Быт. 48, 20). И при этом Иаков завещал Иосифу: "... один участок, который я взял аморреев мечом своим и луком своим" (там же, см. 22). В силу этого благословения Ефрем и Манассия получили все благословения, которыми были ранее благословлены патриархи, а собственный участок Иосифа прообразует владения Церкви.

Что касается сына (младшего) Рахили Вениамина, с рождением которого умерла любимая жена Иакова, то есть именем, вероятно, благословлены христианские секты, общины и малые церкви. Вот благословения Вениамину: "Вениамин - хищный волк, утром будет есть ловитву, и вечером будет делить добычу" (Быт. 49.27) - это из Израиля. "Возлюбленный Господом у него безопасно, Бог покровительствует ему и он покоится между ременами его" (Втр. 33, 12) - это от Моисея.

Старшие сыновья Лии прообразуют древние народы, действовавшие еще до воплощения слова. Рувим и Симеон, по сопоставлению с приравненными к ним Ефремом и Манассией (то есть римскими и греческой церквями) могут быть определены как Рим и Византия, а в наши дни как Италия и Греция. Это страны, утратившие прежние положения мировых держав. Вот благословения Израиля: "Рувим, первенец мой! - Ты - крепость моя и начаток силы моих, верх достоинства и верх могущества. Но ты бушевал как вода, не будешь преимуществовать, ибо ты взшел на ложе отца твоего; ты осквернил постель мою, взшел..." Здесь упоминается о том, что Рувим входил к Валле, служанке Рахили и матери Дана и Неффалима (Быт. 35, 22). Поступив таким образом, Рувим обнаружил претензию стать равным Иакову, достичь положения отца (мужа матери) по отношению к своим собственным братьям). Это событие прообразует устремления Рима, претензии светских вла-

стей Рима править всеми народами, в том числе и Церковью. Преступление лишило Рувима преимуществ, которые он имел в качестве первородного сына Иакова, однако не лишило его благословения. Вот что сказал о нем Моисей: "Да живет Рувим и да не умирает"... Продолжение этого стиха в синодальном переводе Библии звучит так: "...и Смеон да будет малочислен". Однако имя Симеон, в подлиннике отсутствует, оно вставлено потому, что в благословении Моисея Симеон нигде более не упомянут. А благословение Иакова Симеону и вместе с ним Левию выглядит так: "Симеон и Левий братья, орудия жестокости меж их, в совет их да не внидет дума моя и к собранию их да не приобщится слава моя. Ибо они во гневе своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца. Проклят гнев их ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа. Разделяю их в Иакове и рассею их в Израиле". Здесь предсказана политическая судьба Византии и еврейского священства - Симеон и Левий собственными руками перебили всех новообращенных жителей города Сихем (Быт. 34) и наказаны за это рассеянием среди других колен Израиля.

Само же избиение новообращенных послужило первопричиной и прообразом многих других кровавых событий. Искушение крови сихемских неофитов продолжается едва ли не по сей день. Однако рассеяние Левия в Израиле придало Левитам функции священства (до разрушения Иерусалимского храма Титом), а после в обновленном Израиле - левитство, по-видимому, прообразует монашество. Вот благословения Моисея Левию: "Туммим твой и урим твой на святом муже твоём, которого ты искусил в Массе, с которым ты препирался при водах Меривы, который говорит об отце своем и матери своей: "я на них не смотрю" и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает. Ибо они (левиты) слова твои хранят и завет твой соблюдают, учат законам твоим Иакова и заповедям твоим Израиля, возлащают курение пред лицо Твое и всесожжение на жертвенник твой. Благослови, Господи, силу его и о деле рук его, благоволити, порази чресла восстающих на него и ненавидящих его, чтобы они не могли стоять" (Второз. 35, 8-11).

Благословения, данные Иуде, относятся, вероятно, к еврейскому народу: "Иуда! Тебя восхвалят братья твои, рука твоя на хребте врагов твоих, поклонятся тебе сыны отца твоего. Молодой лев Иуда, сын мой, поднимается. Приклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет и ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей. Моет в вине одежду свою и в крови городов одеяние свое. Блестящи очи от вина и белы зубы от молока (Быт. 49.8, 12). История сынофф Иуды, вероятно, прообразует судьбу еврейскую (Быт. 38). Первые три сына Иуды - Ир, Онан и Шела родились от хананеянки, причем Шела родился, когда Иуда был вне дома (в Хениве). Женой Ира была Фамарь, имя которой, созвучное древнееврейскому названию "финиковая пальма", символизирует царственность. Ир был "неугоден в очах Господа" и умер. Это судьба первого царства евреев, которое было разрушено Навухудоносором. Затем Фамарь была отдана Онану, но Онан знал, что "семя будет не ему и потому, когда входил к жене брата своего, изливал семя на землю, чтобы не дать семени брату своему". Это поистине удивительная история... Жертва ~~Ира~~ наготы ради получения потомства приносилась не лону царства, а окружающей земле. И семя Онан прообразовало плоть Спасителя, происшедшего от Иуды и принесенного в жертву Онаном - потомком Яфета, который был братом Сима, Онанова предка по плоти. Здесь нужно заметить, что имя первосвященника Анны созвучно имени "Онан". И древний Онан действовал в лице и под именем Анны, когда предавал Иисуса на казнь. "Зло было пред очами Господа то, что он делал и он умертвил его" (Быт. 35, 10). Царство Онана было разрушено Титом, тогда же погиб и храм.

Третьим сыном Иуды был Шела, но он не был мужем Фамари, не имел царства и прообразует поэтому еврейское рассеяние.

Когда Иуда вошел к Фамари, переодетый в одежды блудницы, она родила ему двух сынофф. Это был, очевидно, совершенно особый брак. Не говоря о прочем, слово

"кадеша" - "блудница" - в древнееврейском языке может означать "святыня". Дети Фамари от Иуды прообразуют совершенно особенное царство. Когда она рожала, сначала показалась рука Зары (в пер. "Сияние"), руку перевязали красной нитью, но "он возвратил руку свою и родился Фарес ("расторгший преграду"). И этот второй, родившийся первым, есть, вероятно, прообраз современного государства Израиль, расторгшего все преграды, а тот - первый, родившийся вторым и показавший руку прежде своего рождения, есть прообраз царства сияния, которое идет следом за нынешним царством.

Два сына Валлы, служанки Рахили, Дан и Неффалим, два сына Зелфы, служанки Лии, Гад и Асир, два последних сына Лии - Иссахр и Завулон суть прообразы великих христианских держав, действующих в последнее время - Германии и Испании, России и Америки, Франции и Англии.

Вот благословения Дану от Израиля: "Дан будет судить народ свой, как одно из колен Израиля. Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня так, что всадник его упадет назад. На помощь твою надеюсь, Господи! (Быт. 49, 16-18). И от Моисея: "Дан - молодой лев, который выбегает из Васана" (Втор. 33, 22). Это, вероятно, относится к Германии, и это к Испании

- от Израиля: "Неффалим - неревниф рослый, распускающий прекрасный ветви" (Быт. 49, 21). (Ветви Неффалима - страны Латинской Америки). И от Моисея: "Неффалим насыщен благовоением и благословенен от Господа: Море и юг во владении его" (Втор. 33, 23).

Благословение от Израиля Гаду напоминает судьбы России: "Гад - толпа будет теснить его, но он оттеснит ее по пятам". От Моисея: "Благословен распространивший Гада. Он покоится как лев и сокрушает и мышцы и голову. Он избрал себе начаток и там почтен уделом от законодателя и пришел с главами народов и напомнил правду Господа и суды с Израилем".

Америке от Израиля: "Дал Асира - слишком тучен хлеб его, и он будет доставать царские яства". От Моисея: "Благословен между сынами Асир, он будет любим братьями своими и вкунем в елей ногу свою, железо и медь запоры твои, как дни твои бо -

гатство твое".

Англии и Франции от Израиля: "Завулон при берегу морском будет жить и у пристани корабельной и предел его до Сидона". "Иссахар - осел крепкий, лежащий между потоками вод. И увидел он, что покой хорош и что земля приятна и преклонил плечи свои для ношения бремени и стал работать в уплату дани".

От Моисея: "Веселись, Завулон, на путех твоих и Иссахар в шатрах твоих. Созывают они народ на гору. Там закладывают законные жертвы, ибо они питаются богатствами моря и сокровищами, скрытыми в песке".

Оказывается, что внешняя история народов мира изначально освящена Божественным Словом. Соединение бесчисленных безымянных племен в нынешние державы получило смысл сейчас в обретении древних имен и с ними - благословения.

Вся общность людей Завета с Богом - это Иаков - Израиль. Все, кто полагает, что пища телесная выше пищи духовной - это Исав, а вместе Иаков и Исав составляют общность людей под именем Исаак. Этому определению довольно близко соответствует понятие "цивилизованное человечество" в европейском смысле.

Именем Измаил благословлены все арабские и мусульманские народы: "Рука его на всех и рука всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих" (Быт. 16, 12) и "Я произведу от него великий народ" (Быт. 21, 18).

Исаак вместе с Измаилом составляют общность людей под именем Авраам. Причем здесь соединены потомки как Сима, так и Яфета. Вместе с теми людьми, которые наследуют арабскому духу Хама, они должны осознавать себя, как общность людей под именем Ной. Ной же является прямым потомком Сифа. Это примерно половина всего современного человечества.

Теперь, когда народы вновь обретают сакральные имена, становится возможным окончательный суд.

Те, кто ставят плоть выше Духа, будут и судиться по закону плоти, а конец всякой плоти - смерть. Для тех же, кто причастен Духу, будут открыты врата Нового Иерусалима, города вечной жизни. Из Израиля, из двенадцати колен, будет избрано по двенадцати тысяч запечатленных печатьев Бога. И имена 12 колен Израиля будут над вратами Нового Города.

О ЗНАЧЕНИИ ОДНОГО СЛОВА

Грядут царя исподние знамена
Данте.

Служит слово "дурак" действительно наименованием человека глупого, тупого и ни на что не способного, почему произнесение его сопровождается нарочитым похохатываньем, было бы непонятно. Ведь несовершенство человеческой природы — повод скорее для скорби, чем для радости, и, если о человеке, лишенном деятельного органа или страдающем постоянной болезнью, мы говорим, напуская на лицо сочувственную унылость, — так почему же о недостатке ума — злобно и смеясь? Это было бы, повторяю, непонятно, когда бы речь шла только о неполноценности. С другой стороны, нельзя сказать, чтобы хихиканье, сопутствующее диагнозу, служило выражением чистого удовлетворения, — как бы по случаю победы в беге или на кулаках. Обнаруживаемые чувства, видимо, двусмысленны, говорят словно бы даже не о дефекте, а о неквалифицированной симуляции. Назвать кого-либо дураком в глаза — все равно, что обидно упрекнуть в притворстве, в валянии дурака. Откуда следует, что наше словоупотребление основано на переносном смысле и что "дурак" обозначает не человека.

Кого же это слово обозначает? Каков его собственный смысл? Что за реальность соответствует термину?

Чтобы ответить на эти вопросы, сопоставим некоторые слова близкого значения, но лучше сохранившие генеалогические связи — такие как болван, чурбан, бревно и другие. Нас поразит полнейшее единообразие материалов. Во всех случаях — это древесина. Однако не древесность же вызывает насмешки. Нет, тут дело в претензии, которая, при внешнем намеке на возможность, неспособна осуществиться. Форма, в которую облечен материал, служит иллюзиям, а сам материал — их развевает. Предмет статьи своей изображает творящее начало, сутью же — бездейтелен и туп. Такими признаками обладает один единственный предмет, который и есть, собственно говоря, дурак.

Не следует думать, что здесь скрывается метафора или синекдоха. Дурака прежде видели в любом огороде. И не только видели — его самым непосредственным образом валяли по грядкам из соображений, относящихся к магии плодородия. Валяли с визгом, хохотом, всем обществом вступая по ходу дела в профанированные отношения между собой и с явлениями окружающего мира, пьяные и сквернословя. Это вакханствование должно было, по замыслу, сообщать огородным растениям дополнительную мощь и кормящие соки.

Итак, дурак представляет собой намеренно воздвигнутый столб с несколько расширенной и округлой верхней частью, напоминающий лысую человеческую голову. Примитивная скульптура совершенствуется. На голове возникают черты лица. Приапический идол может поэтому осознаваться не только как покровитель плодородия вообще, но и как предок владельцев огорода, в особенности. По очевидной ассоциации идей, приобретая глаза, рот, даже бороду, он не теряет лысины, своего прародительского знаменья. Изначальный нерасчлененный образ теперь состоит при нем как устремленный ввысь атрибут.

В описанном здесь единении понятий "дурак" и "предок" чувствуется та всемогущая предбытийная глупость, та глумливая непосредственность, та оживленная визгливая бессмыслица, которая связана с произведением на свет себе подобных. Потомство не зря зовет предка старым лысым дураком — именно таким стоит он перед глазами наследников.

В трактате "Берахот" рассказывается о некоем Седекии, имевшем обыкновение носить на плечах по пятницам в синагогу двух своих сыновей — Рабдака и Манассию. Однажды, когда он их нес вот так в синагогу, Рабдак сказал:

— На лысине отца хорошо колоть орехи.

— Жарить рыбу, — возразил Манассия.

Этот странный анекдот прекрасен. Все вежи названы своими именами. Пусть комментаторы потом морализуют, намекая, будто Седекия был наказан непочтительными детьми за то самое непочтение, которое он питал к Господу Богу, их версии не могут ничего изменить в суровой достоверности и жестокой естественности рассказа.

97

Логика отношений здесь превобитна и проста. Для того, чтобы стать предком, отцом личности, нужно самому, забыв о собственной персоне, смело пустить в дело то общее, что есть у нас независимо от расы и вероисповедания, выступить в единообразящей всех наготе и полнейшей, можно сказать, лысой, обезличенности. "Человеческая воля сильнее, нежели интеллект", - говорит Спиноза.

Но чтобы нечто утратить, хотя бы и столь забавным способом, - нужно сперва этим обладать. Так объясняется известный расцвет индивидуальных дарований у юношей. Увы, бедная молодежь! Если бы она могла знать, что ждет ее впереди! За светлым и радостным мифом о смене поколений неразличим для нее тошнотворный образ непрерывно вращающегося идиотства. И претенциозная выходка Хама, который хотел разрешить проблему отцов и детей в свою пользу, свидетельствует только о непонимании данного деликатного обстоятельства. Проклятием на голову его навек ослабившегося потомства легла неспособность понять это когда-либо в будущем.

Однако требования нравственного закона об уважении к старшим сами по себе могут набросить лишь легкую полупрозрачную вуаль на эту выпирающую непристойность. Гораздо эффективнее присоединить сюда еще заповедь, которая возбраняла бы кумиротворчество, хотя вообще стремление каким бы то ни было способом объективировать несоответствие между манящим таинством цели, пылким творчеством при ее достижении и достойной смеха обыденностью итога можно было бы даже оправдать. Но люди не могут ограничиться только водружением кумира, они стараются непременно выдать своего дурака за нечто существенное, возвышенное, важное. Символ утраты личной природы становится объектом поклонения для коллектива. Все перечисленные ранее неприятные странности оказываются в метафизической плоскости: неподвижность оборачивается величием, никчемность - постоянством, бессмысленность - могуществом. Так возникает культ. Утраченные человеком временные дары приписываются истукану навеки, и наше относительное знание становится у него всеведением, что можно обнаружить хотя бы в басне Крылова "Оркул".

98

События, изложенные в этом поучительном произведении, достаточно хорошо известны, и их можно не пересказывать в подробностях. Кратко же они таковы. В некотором городе или селении имелся предвещающий кумир, действовавший в высшей степени удачно. Внезапно качество пророчеств ухудшилось. Далее, влагая в уста свои перо гениального баснописца:

"А дело в том, что идол был пустой

И саживались в нем жрецы вещать мирянам.

И так, пока был умный жрец, кумир не путал враг;

А как засел в него дурак,

То идол стал болван болваном".

Замечателен набор синонимов в последних строках. Одушевленный дурак внутри безжизненного болвана — поистине наиболее монументальный образ во всей мировой литературе. Здесь достигнуто то единство формы и содержания, в котором потом мечтали десять поколений литературных критиков.

Понятным становится пафос ветхих пророков по отношению к таким конструкциям. Эти одухотворенные личности приходили в крайнее омерзение, видя, как племена и колена соединяются полным составом ради пустопорожней глупости и свального греха. И нас не должно теперь удивлять, что Илья в раздражении собственноручно заколол однажды 350 пророков Вааловых и, как добавляет Перевод Семидесяти — 100 пророков дубравных. Добавка важна. Илья был человек проникательный — настоящий пророк! Экзекуцию он не ограничил прагматиками, безобразно выплясывавшими перед своими Ваалами, но прихватил, сколько мог, и дубравных лицемеров, которые твердили, в сущности, то же, но поворачивали дело так, будто поклоняются не идолам, а непосредственно силам природы. Илья очень хорошо понимал, что это за такие силы и справедливо не различал в лесных забавах и тех пантеистах ничего, кроме одного непотребства.

Здесь можно добавить несколько слов об Иванушке Дурачке. Что это за персонаж, понятно из вышеизложенного. Смущение вызывает только имя — библейское Иоханаан — узуопирированное языческим Ванькой-Встанькой. Проблема в таком виде нераз-

решима, а значит - неверны посылки. И если вторую из них - что дурак есть понятие и предмет, подлежащий мирозерцанию производительной сферы в качестве сокровенного гнома идолопоклоннических зачатий - несомненно следует принять, то первая - о христианском происхождении имени Ваня, - должна быть упразднена как заблуждение. Под пристойным передником имеющего европейских кузенов в виде различных Гансов, Янов, Джонов и Жанов Иоанна-Ивана, сидит все тот же древний как плоть разухабистый наездник, на своем подозрительном горбунке, влетающий в нижние печи Бабы Яги и выскакивающий из трубы зловонным Перуном-Громовержцем, отцом и бессмертных и смертных, согласно Гомеру. Ваня намного старше и Владимира Красное Солнышко, и самого Иоанна Крестителя. Ваня уже был в те времена, когда древляне, как сказано, дурака валяли и сидела по пуп во мху югра. Югра помянута не зря. На финских языках югры имя Вене или Вейне значит "старый", "древний", то есть "предок", то же что и дурак в сакральном смысле. Ваня, значит, и есть "дурак", а Иванушка Дурачок - тавтология. Загадка разрешена и, как это бывает при обнаружении истины, с нею - ворох других загадок. Поскольку сам Ваня древнее Библии - стадильно, - во всяком случае, - постольку его естественная пара Маня заведомо старше Девы Марии. На тех же финских языках имя Мене или Мейне значит "древняя". Так что героя Вейнемейне-на следует представлять себе архаическим андрогинном, чудиком, сексуально нерасчлененным вселенским Адамом Кадмоном. Имя его - Старый и Древняя - вводит нас в круг воззрений, связанных с предсуществованием миру космической пары родителей, - именно не двух, - а неразделенной пары, предвечных Деда и Бабы. И зачин сказки: "Жили-были Дед да Баба" нужно понимать как утверждение бытия в неопределенно временном состоянии монолитной постоянно совокупляющейся двойцы, Урана и Геи наших широт. Особенно хорошо это видно, когда зачин произносится в форме "Жили-были Старик со Старухой". Предлог "со" донельзя уместен для выражения всех этих пикантных идей.

Кстати сказать, такая концепция позволяет разъяснить непонятное иначе место у Гесиода, где говорится о том, что порождения Неба и Земли никак не могли покинуть материнское лоно вследствие деспотического произвола отца. Теперь оказывается, что дурное обращение с неродившимся потомством было выражением не капризов или старческих прихотей, но бессмысленно деятельной вневременной мощи, орудовавшей там, где вдох есть и выдох, а смерть — одно с зачатием. Так что кощунственная мелиорация, произведенная Сатурном, была вполне естественным способом проделать хоть небольшую светлую дыру в преисподней родительского кипения. Находясь внутри лона, сын этот лишен был возможности изобрести другой. Его простор был мал. Пространства не было. Оно возникло, когда отпрянул ввысь воющий от боли и ужаса Уран, оставляя в новом яоре белопенную волну любви — уже бессильной. И ныне науком перебирающийся по окраине неба в серповидном венце Сатурн напоминает о том, какого рода блудящая живость послужила явлению на свет Афродиты и всего, что связано с ее замечательным культом.

Однако, не один Сатурн исправляет подобную мемориальную надобность, этой же цели служит любая скульптура. Пусть рационалисты, видящие во всем пользу, пусть эстеты и мистики говорят, что угодно. Мы должны отчетливо сознавать, что изготовление человекообразной фигуры, да и вообще любой фигуры, есть по большей части попытка предъявить миру того самого дурака, которого нам в нашем цивилизованном лицемерии следовало бы прятать подальше.

Мне хотелось бы заключить эти рассуждения забавной историей о том, как бездушное кумиротворчество было наказано и в наше время, когда общий глас твердит об иссякновении чуда и возмездий.

Два скульптора-профессионала, — дело было незадолго до начала второй мировой войны, — раздобыли насос — распылитель масляной краски и отправились путешествовать по провинции. Являясь в районные центры и глядя прозрачно в глаза местной власти, они говорили в том смысле, что плохо в городе

с изобразительной пропагандой. Власть отводила глаза вбок и оправдывалась отсутствием людей, средств, материалов.

- А что - цемент? - спрашивали тогда художники?

Словом, они брали цемент и, замесив, вливали в бывшую у них еще портативную форму, затвердевший вскоре монументец опрыскивали из насоса блестящим составом, - и наутро уже можно было разрезать ленточки. Статуи сверкали и лоснились. Все были счастливы, а наши рачители хоть и брали недорого, даже разбогатели, потому что, действуя проворно, успели за короткий срок обставить своими изделиями половину уездной России.

Богатство их и погубило. Первый умер, выпив однажды невероятное количество водки. Другой, работая в одиночку, стал небрежен. Его нашли как-то на площади маленького городка, где он выполнял заказ, погребенным под осевшей кучей цемента, над которой высились крестообразно скрепленные прутья железной арматуры. Рядом лежал еще стучавший насос, изрыгая под ноги толпе последние порции белой краски.

ИНДИЙСКИЙ СВЯТОЙ

Кажется с конца прошлого столетия слухи об одном необыкновенном лице распространяются в Европе и Северной Америке.

То замолкая, то вновь объявляясь, поддерживаемые изустными рассказами, а иногда даже разбрасываемыми кем-то листовками, известия о нем продолжают циркулировать в обиходе нынешнего человечества и по сию пору. Его зовут Баба Джи.

Джи - это индийская частица, выражающая почтение, так что "Баба Джи" можно перевести как "почтенный" или "досточтимый Баба". Самое же Баба на многих языках означает "старик", часто в значении "отец" или "предок". Л. Гумилев, описывая монгольские нравы в эпоху Батя, говорит, ссылаясь на "Сокровенное сказание", что сына Батя Сартака, заподозренного его соплеменниками в исповедании несторианского толка, кто-то из ортодоксальных татар будто бы упрекнул в таких выражениях:

- Вы, христиане, говорите "Абай - бабай".

Это соответствует нашему "Авва, Отче!" Бабай означает, несомненно, то же, что и "баба".

То же самое можно встретить и в арабских сказках, где упоминается, например, Али Баба и сорок разбойников. Так что Баба Джи должно бы переводиться как "почтенный старик".

Однако такое толкование имени или прозвища нашей таинственной личности вряд ли верно и несомненно не является единственно возможным. Дело в том, что даже по-арабски слово "баб" означает также "ворота" или торжественно - "врата". Пролив, отделяющий Африку от Аравии и соединяющий Индийский океан с Красным морем, именуется Баб эль Мандеб, то есть Врата Ужаса, так как в этих местах летом стоит ужасная жара, а лето там продолжается круглый год. В таком значении "Баб" или "Баба" может приобретать и мистический смысл. Подобно христианскому "Аз есмь Путь", "Врата" могут символизировать Дверь, открывающуюся в особое возвышенное состояние. Тогда некто, именуемый "Баб", должен представлять из себя осуществленную Дверь, и духовное слияние и единение с ним равносильно проникновению через эту Дверь в высшие сферы.

107

В учебнике истории можно прочитать, как одно из таких лиц по имени Баб произвело в Персии лет сто назад чрезвычайное движение народа — бабизм —, которое удалось подавить только с помощью вооруженных войск. Причины возмущения описываются в учебнике только как социальные и экономические, чтобы не сбивать школьников с толку, но это не должно мешать нам уразуметь ту явную истину, что не завись он Баб, вряд ли удалось бы ему вызывать такое отчаянное кровопролитие. Поскольку же "Баба" в значении "старик" и "Баба" в значении "дверь" вряд ли связаны общим происхождением — хотя и эту возможность конечно же не стоит вот так просто отбрасывать, — следует предпочесть, я думаю, второй вариант перевода, и тогда имя должно толковаться как "Достоuchtимая Дверь". И тем не менее мы не можем остановиться даже на этом.

Как бы ни переводилось, что бы ни означало его имя — Почтенный ли Старик, Достоuchtимые ли Врата, — ведь может быть и нет ничего невозможного в том, что имеются еще какие-то значения и смыслы и оттенки значений и смыслов, которые просто неизвестны или не приходят в голову рассказчику этой чудной истории, — как бы оно, повторяю, не толковалось — в самом своем языковом инобытии при новом словесном воплощении имя Его несомненно теряет многое. Даже самый точный ученый перевод с изобильнейшими комментариями конечно же не способен передать ту ступень, тот порог, который преодолеvalo сознание, скажу даже по старомодной традиции — дух преодолел степень, ту степень, на которую возносился дух героя нашей истории — этого янки, одержимого героя, когда в нем звучало имя Баба-джи.

Нельзя передать, что значило это имя. И сам он об этом нам уже наверное не расскажет.

История, которую я хочу здесь поведать, произошла в середине пятидесятих годов. В это время возникла и распространилась новая волна слухов об удивительнейшем Баба-Джи. Говорили всякое, но из различных сплетений выплывал, наконец, примерно такой возвышенный образ: Баба Джи обретает в Индии. Несмотря на то, что ему более тысячи лет отроду, он, владея секретом вечной жизни, имеет вид человека в расцвете сил молодости, то есть примерно тридцатилетнего... Он пребывает в

уединенных местах, гуляя там в окружении ближайших учеников, и лишь чрезвычайно редко допускает узреть себя прочим людям. Его лицо сияет и он может творить чудеса...

Один американец, собственно, янки, неслушавшись этих и подобных рассказов, решил во что бы то ни стало познакомиться с Баба Джи. Узнав, что тот живет в Индии, он раздал имущество друзьям и купил билет на пароход. Индия по прибытии вначале его разочаровала. Огромные жаркие города цивилизованного побережья, казалось, не обещали ничего чудесного. Но янки принялся расспрашивать всех и каждого, не пропуская ни одного. Отвечали по-разному. Многие просто не понимали, что хочет от них этот странный турист и отмахивались, другие смеялись, некоторые просто улыбались и показывали руками в непонятных направлениях. Хуже всего было то, что янки не знал ни слова ни на одном из наречий, на которых говорит в Индии ее разноплеменной народ, ни слова, кроме имени Баба Джи, и это имя он повторял направо и налево, не стесняясь ни полом, ни возрастом своих случайных собеседников, ни их общественным положением, равно тревожа почтенную многодетную мать и вертопраха, озабоченного парламентария и праздного метельщика улиц.

- Баба Джи? Где Баба Джи?

Прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что следы ведут на север. Он отправился туда, все продолжая спрашивать по дороге. По мере приближения к горной стране улыбки становились реже, а следы - определеннее. Люди показывали руками к вершинам и говорили: Там. Но реже становилось и население. Уже неделю янки бродил по совершенно пустой дикой местности, не встречая никакого жилья. Последний, кого он видел, был глубокий старик, который тоже сказал: Там, и показал вверх. Американец взял у старика сыру и полез на скалу.

От острых камней и горных колючек его платье совершенно изорвалось, а конечности покрылись ссадинами и кровоподтеками. Несколько раз он едва не срывался с опасных откосов, но все продолжал карабкаться. Три дня он ничего не ел и готов был прийти в отчаяние. Лохмотья не защищали от ветра, но вернуться было невозможно. Так блуждал он по царству льда и камней почти уже без всякой надежды, как вдруг, с трудом взобрав-

шись на один особенно высокий утес, увидел перед глазами красивую долину, всю покрытую цветами и травами.

По краю долины шла группа людей в блестящих белых одеждах. Они о чем-то беседовали. Один особенно выделялся стройной осанкой и исходившим от него как бы сиянием. Янки сразу понял, что это Баба Джи. Он устремился к нему, но под ногами была пропасть.

- Баба Джи! О, Баба Джи! - закричал янки.

Люди стали медленно удаляться.

- О Баба Джи! Я хочу стать твоим учеником! - завопил янки громче прежнего.

Учитель обернулся, продолжая идти, и весь кружок следовал за ним, уменьшаясь в размере.

- Баба Джи! Баба Джи! Если ты не возьмешь меня, я брошусь за тобой с этого утеса, - кричал янки. Ему показалось, что Баба Джи сделал призывный жест, но белые люди уже слились в одну сверкающую точку в самом конце долины.

С диким воплем кинулся янки прямо в пропасть и разбился об острые камни, которые торчали внизу. Тело его совершенно распалось. Он погиб.

Но Баба Джи сжалился над американцем, велел собрать все части трупа воедино и воскресил его с помощью заклинаний и трав, а позднее даже принял в общину.

Его там прозвали Упадика, что в переводе с санскрита означает Рухнувший.